

КОГДА ПОЙДЕТ СНЕГ

ЗАМЕТКИ О ПРЕМЬЕРЕ В НОВОМ ТЕАТРЕ-СТУДИИ

... **О**Н ВОЗЬМЕТ лопату и закопает в сугроб того проклятого соседа, что живет в шикарно-паршивом доме на Второй авеню Ист-Сайда несколькими этажами выше. И будь он проклят, Мел Эдисон, если наконец не сделает это!..

Поступок главного героя комедии американского драматурга Нила Саймона не покажется зрителям сколь-нибудь жестоким и даже неожиданным. Собственно, не поступок, а лишь намерение защитить свое достоинство, свою честь. Спектакль «Заклученный Второй авеню», поставленный главным режиссером В. Ланским, привлекает достоинствами тихой, негромкой режиссуры, пристальной к исполнителям. Это хорошо забытое старое свойство дорожить актерами благотворно сказалось на его постановках.

Сейчас, когда спрос на комическое в искусстве намного превышает предложение, спектакль Нового театра, равно как и талантливо написанная пьеса, утверждает свою принадлежность той смеховой культуре, в которой есть место и низкому и высокому, и эксцентрическому, и остроумному. Умение высекать искры радости и печали одновременно — редкое умение. Создатели комедии о Меле Эдисоне пытаются о серьезном, драматичном говорить с улыбкой.

Пространство квартиры не раз служило ареною, на которой всецело властвовал цирк, и в забавных поединках человека с домашней утварью одерживал бесчисленные победы легкий, искрящийся смех. Вполне приличные апартаменты Мела Эдисона перестали вдруг служить уютным прибежищем, где можно забыться от уныло-безупречной службы в офисе. Вещи не переменились в этой квартире, иным сделалось отношение к ним: Мел Эдисон потерял работу. А вскоре — беда не приходит одна — и квартиру обворовали. Герой Нила Саймона попал в пьесу, кажется, в самый неподходящий момент, в момент душевной депрессии, когда ветер, упруго ласкавший паруса его размеренной жизни, перестал дуть, стих и из штиля близкого безденежья и ничегонеделания надо было как-то выбираться...

Мел Эдисон выражает лирическое начало комедии. Да, Мел упрямец и готов идти наперекор обстоятельствам до той, правда, поры, когда он внутренне готов одержать над ними верх. Мел и романтик немножко — он мог бы стать бродягой, мог бы податься в золотоискатели, но не станет и не отправится на Клондаек, ограничив свою вполне трезвую «голубую» мечту намерением открыть небольшой спортивный лагерь для ребятишек. Он и ироничен по отношению к себе, вернее, это автор при посредничестве своего героя выражает собственное ироничное отношение к происходящему.

Автор познакомил нас с Америкой без цветастой, глянцево-экспортной упаковки. В этой Америке ковбои просто перегоняют стадо с одного пастбища на другое, а арию винчестера или соло семизрядного кольта здесь исполняет неисправный кран в кухонной мойке. Театр, к счастью, обошелся и без танцев до упаду, без рок-н-роллов на рассвете, он вплотную подвел нас к обыденности, к домашним хлопотам, к семейным спорам, сделал прозу жизни, мелочи жизни материалом скромной поэзии. Театр послушно пошел за автором, поняв его и не став, как нынче водится, переиначивать пьесу; спектакль вышел ироничным и серьезным.

Когда артист Б. Гусаков, играющий Мела, впервые появляется на сцене, он менее всего похож на того вестерново-хиппового американца, к которому нас уже давно приохотил кинопрокат. Но мы можем вспомнить старый фильм «Марти» или не

очень старый «Погоню», или новый «Подставное лицо», мы можем перечитать книги многих известных прозаиков США — и тогда Мел Эдисон в траковке Нового театра не будет столь уж неожиданным. Б. Гусаков показывает, как в его герое день за днем, час за часом тает человек, как равнодушие окружающих убивает в нем самое важное и дорогое. Процесс угасания и начинающегося пробуждения личности Мела Эдисона актер делает предельно зримым. Но он убеждает нас не достоверностью бытовых деталей, а верою в своего героя в те силы его души, которые могут выстоять, сохранить естественное желание жить по-человечески.

У живого человека все же две свободы: свобода сделать вдох и свобода сделать выдох; умирающему даровано право только на одну свободу — с такой примерно долей оптимизма мог бы размышлять на извечную тему «Что делать?» Мел Эдисон во время очередной прогулки по парку в тянучие дни безработицы. Какие точно слова произнес он про себя, неизвестно, но настал миг, и отчаяние сменилось надеждою. В передаче этих перемен, происшедших где-то за сценою этого нелегкого перелома в душе героя, Б. Гусаков сохраняет сдержанность, он и здесь пользуется мягкими краками, и здесь его пластике чужды резкость, экспрессивность. Порою он, наверное, излишне статичен, случается, позы, найденные им и режиссером в финальных сценах, назойливо картинны — и это мешает восприятию. Но сами правила игры, выбранные театром, представляются точными.

Режиссер В. Ланской добивается максимального контрапункта лирического и эксцентрического начал, тоже подсказанного пьесою, обнаруживая вкус и способности к сценическому гротеску. Сплав редкий; здесь, на перекрестке двух выразительных стихий, зритель может и растеряться. И сестры Мела, старые девы Перл (Н. Лискова), Джесси (Л. Нефедова) и Полин (В. Мокроусова), и их братец Гарри (А. Курский) становятся участниками своего рода спектакля в спектакле. Вся эта шумливо-болтливая, без умолку тараторящая, не слушающая друг друга, то и дело вскакивающая с места, как на пружинах родня «забывшего» героя выписана автором в откровенно сатирических тонах. Увлеченность исполнителей, их основательное владение ярким материалом ролей не могут не вызвать одобрения, но столь активная творческая самоотдача, увы, нуждается в сдерживании, иначе **этот** спектакль грозит занять место **главного**. А там Мел Эдисон, преодолевая назойливую, до последнего цента рассчитанную заботу о нем, все сильнее обнаруживает свою непохожесть на близких, все серьезнее «заболевает». И как ни печется о нем брат Гарри (а его тоже сломила эта история, и он намучился со своей совестью до того, что пришлось раскрыть кошелек пошире), все равно Мел чувствует: возврата к старому нет. Выходит, он не только что-то потерял, но и, безусловно, кое-что приобрел. Добродетельный, как на картинке рождественского календаря, поступок Гарри — по-своему пародийный вариант «хеппи энда», близко подвигающий пьесу к самому стойкому из всех жанров — мелодраме.

Но не к тому вели дело автор и театр. Сцена объяснения Мела и Гарри возвращает комедию в лирическое русло. Исполнителю роли Гарри А. Курскому пришлось взять на себя нелегкий труд соединить **этот** спектакль с **главным**. Труд оказался актеру под силу.

Жить среди миллионов людей — и быть одиноким. Общаться — и не вступать в контакт. Даже жена Эдна (В. Ланская) и та понимает Мела с великим трудом, а если совсем честно, то и она не понимает, но слепо сочувствует. Драма героя грозит обернуться для него трагедией. Но «заклученный Второй авеню» упрямо ждет.

Он ждет, что завтра, когда пойдет снег, он возьмет лопату и закопает в сугроб соседа-обидчика. За конкретностью вполне выстраданного намерения проступают очертания другого Мела Эдисона. Человека, умеющего и могущего за себя постоять. И Мел дождался снега...

Одиночество в переполненном людьми и страстями городе изобретательно подчеркивается в спектакле музыкой и звуком. Есть, например, невидимые болтливые телекомментаторы, есть силуэты приросших к приемникам телевизителей... Есть многочисленные признаки, свидетельства того, что должно означать жизнь. Только разве это жизнь!..

В. ГУЛЬЧЕНКО.